

Прот. И. ФУДЕЛЬ

Судьба К. Н. Леонтьева

В годовщину смерти К. Н. Леонтьева (12 ноября) невольно оглядываешься назад и думаешь: «Вот еще год прошел; еще дальше от нас отодвинулся Константин Николаевич. Стал ли он от этого виднее для нашего культурного общества? Знают ли его больше? Сделано ли что-либо для уяснения общественным сознанием его идей? Оправдала ли жизнь его чаяния и опасения, муки сердца и трепет о страстно любимой им России?»

И только на последний вопрос отвечаешь себе твердо, без колебания: «Да, муки сердца К. Леонтьева были не напрасны. Не зря он так настойчиво говорил о грядущем разложении России, не безосновательны были его страхи, не преувеличен его мрачный пессимизм».

Удивительно, как точно оправдываются все предвидения К. Леонтьева относительно России и всего славянства. Будто не художественным чутьем гениального мыслителя подсказаны они, а явились результатом математических выкладок. Торжество «хама» во всех областях жизни такое полное, стремление к демократизации у всех такое бессознательно-бешеное, а самое «уравнение» и «всеобщее смешение» идет такими гигантскими шагами, что, если бы теперь К. Леонтьев встал из гроба, он ничего *не сказал бы*, а только махнул бы рукой и опять лег в могилу.

И вот, несмотря на то что жизнь блестяще подтверждает правоту К. Леонтьева, он до сих пор остается «одиноким» мыслителем. «Одиноким» не в смысле только неимения учеников и продолжателей своего дела, а в более широком смысле *общественного непризнания*. Даже нельзя сказать — непонимания или забвения, а просто «незнания». Общество не знает К. Леонтьева.

Правда, последнее время имя К. Леонтьева стало чаще упоминаться в печати. Это было бы отрадным указанием, если бы за упоминанием следовало правильное *понимание* мыслей того,

о ком говорят. Но в большинстве случаев этого нет. Так, например, неоднократно приходилось встречать в печати такое сближение: К. Леонтьев — русский Ницше¹. Об этом даже и доклад и прения были в прошлом году в одном Петербургском кружке²; все как следует. Не знаю, лестно или нет было бы для самого К. Леонтьева такое сближение, но думаю, что ему, смиренному послушнику оптинских старцев, и не снилось, что когда-либо в нем найдут *тождество* с ярым антихристианином Ницше.

К области тех же курьезов надо отнести целое научное исследование о К. Леонтьеве, недавно вышедшее объемистою книгой в 333 страницы. Священник К. Аггеев издал свою диссертацию на степень магистра богословия под заголовком: «Христианство и его отношение к благоустройству земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства». Труд почтенный с точки зрения школьного богословия. И автор как будто любит К. Леонтьева и не может не признавать его гениальным. Но относится к нему довольно своеобразно. Для того чтобы раскрыть *свое* понимание христианства, он трактует К. Леонтьева *как богослова*. Он извлекает из его сочинений «систему», «религиозную доктрину» (почти на каждой странице эти слова повторяются) и победоносно, пункт за пунктом, разбивает эту «доктрину». Читаешь и своим глазам не веришь. Константин Николаевич Леонтьев, мысливший всегда как художник, образами, свято оберегавший простоту своей церковной веры, чтоб она была такая же, как у всякого послушника, как у любой козельской мещанки, боявшейся иметь свое мнение в этой области и поэтому смирявшей свой ум до принципа: «credo, quia absurdum»³, и этот человек — богослов, и у него «система», «доктрина»! Тогда еще с большим основанием можно говорить о богословской системе Гоголя и Достоевского. Воображаю, как добродушно-искренне посмеялся бы Константин Николаевич, если бы ему сказали, что через 20 лет после смерти он будет наряжен в богословскую тогу. «Вот не ожидал!»...

Но если этот насильственный маскарад нужен о. Аггееву для того, чтобы безопаснее для себя нанести удары широко распространенному в массах православному пониманию христианства, ибо К. Леонтьев, по его словам, «типичен», т. е. является как бы выразителем господствующих верований, то тогда этот прием слишком уж некрасив, если не выразиться более образно и резко, в духе самого К. Леонтьева.

Да, такова его судьба. При жизни его не знали или обидно замалчивали и друзья, и недруги. После смерти стали наряжать,

кому как хочется, по своему вкусу и для своих целей. А публика тем временем совсем не знает этого величайшего выразителя русской культурной мысли. И если бы захотела узнать, не может. Сочинения К. Леонтьева — библиографическая редкость. Только в прошлом году Шамординский монастырь переиздал его «О. Климента Зедергольма», а больше ничего нет, ибо нет средств, нет издателей. В Петербурге существует кружок почитателей К. Леонтьева. Слышно, что собирается он к будущему 12 ноября (20-летие со дня смерти) издать сборник статей, посвященных К. Леонтьеву. Опять-таки не «его», а «о нем». И публика вынуждена знакомиться с его изданиями в изложении его «комментаторов». И горько, и обидно.

